

В этот день Цинь Лань с ребенком вернулась к матери. Не дождавшись, когда Цин Янь с мужем придут ее проведать, она оставила ребенка у тети Ли, а сама сразу же направилась к ним.

Закрыв за собой дверь, Цинь Лань специально оглянулась, чтобы убедиться, что ее мать не находится во дворе, и только тогда, понизив голос, сказала:

— Вчера пришло письмо от А-Сяо.

Цин Янь, наливавший воду, на мгновение остановился и спросил:

— Ну и как там? Он уже добрался до Наньхуэя?

Цинь Лань кивнула:

— Письмо написано из Наньхуэя. Он встретил моего отца.

Цин Янь заметил ее обращение, переглянулся с Цю Хэнянем, который только что поставил чайник кипятиться и сел рядом, и сказал:

— Вы уверены, что тот префект из Наньхуэя — это действительно твой отец?

Цинь Лань была взволнована и, с трудом сдерживая эмоции, ответила:

— А-Сяо сказал, что этот префект выглядит почти точно так же, как на портрете моего отца. Он показал ему портрет моей матери и мой. Когда он увидел портрет моей матери, то был очень взволнован, а увидев мой, даже назвал меня моим детским именем — Ланьцзы.

Цин Янь пододвинул ей чашку чая и спокойно сказал:

— Похоже, сомнений не осталось.

Глаза Цинь Лань покраснели, она обхватила чашку руками, ее пальцы едва заметно дрожали.

— Я даже не могла представить, что спустя столько лет он все еще жив. Он ничего не помнит, но все это время пытался нас найти.

Цю Хэнянь, до этого молчавший и лишь внимательно слушавший, наконец взглянул на Цинь Лань и спросил:

— В письме говорится, что же произошло тогда?

Цинь Лань слегка кивнула и, немного успокоившись, сказала:

— А-Сяо коротко написал об этом. Когда мой отец возвращался после продажи шкур, на него, скорее всего, напали разбойники. Его увезли в горы, находящиеся в нескольких десятках ли отсюда. Эти разбойники, думая, что он мертв, забрали все и скрылись. Но оказалось, что отец был еще жив. Его спас один человек — чиновник, который как раз направлялся на должность в место неподалеку от Наньхуэя, в уезд под названием Наньшэн.

— В то время мой отец был без сознания, — продолжила Цинь Лань, — Тот чиновник не решился оставить его в уездном городе у подножия гор, опасаясь, что разбойники узнают и вернуться, чтобы убить свидетеля. Но он также не мог задерживаться из-за дел, поэтому забрал отца с собой в путь на юг. План был такой: дождаться, пока отец придет в себя и поправится, после чего дать ему денег на дорогу домой. Но когда отец очнулся, он уже ничего не помнил и боялся, что разбойники его найдут. Так он последовал за чиновником и остался с ним до его назначения в Наньшэн.

— Там мой отец начал помогать этому чиновнику, — продолжила она, — Их отношения стали очень близкими. Позже чиновник получил повышение, и отец был переведен в Наньхуэй в должности главного писаря. Два года назад тот чиновник выделил деньги, чтобы отец смог получить должность, и теперь он префект в Наньхуэе. Во время работы писарем он начал понемногу вспоминать свое прошлое, но так и не смог точно вспомнить, из какого уезда или деревни он родом. Поэтому он поручил северным торговым караванам искать мою мать.

Выслушав рассказ Цинь Лань, Цю Хэнянь задумался. Спустя некоторое время он сказал:

— То есть получается, что ни дядя Цинь, ни тот чиновник не могут с уверенностью сказать, что причиной травмы и потери памяти стало нападение разбойников? Все это лишь предположения чиновника на основе увиденного.

Цинь Лань на мгновение задумалась, затем кивнула:

— Да, все так.

В комнате повисла тишина. Цю Хэнянь слегка наклонил голову, хмуря брови, словно обдумывал что-то важное.

Цинь Янь прочистил горло и спросил:

— Сестра Лань, а какие у вас с зятем теперь планы?

Цинь Лань, собственно, для этого и пришла.

— Я как раз хотела с вами это обсудить, — сказала она. — А-Сяо сообщил, что через полмесяца

караван отправляется в обратный путь. С учетом времени в дороге они доберутся до дома примерно через месяц. Мой отец планирует вернуться с ними на некоторое время. А-Сяо попросил меня решить, как рассказать обо всем моей матери.

Брови Цин Яня слегка дернулись. Он хотел что-то сказать, но передумал. Если дело только в потере памяти Цинь Лянчуаня, то зачем вообще обсуждать, как рассказать об этом тете Ли? Можно было бы просто сообщить ей все напрямую. Видимо, здесь есть какая-то скрытая причина.

И действительно, Цинь Лань тяжело вздохнула и сказала:

— В первый год его работы префектом тот чиновник, который его продвинул, подарил ему наложницу. Теперь у этой наложницы уже есть ребенок, которому почти два года.

...

После ухода Цинь Лань на душе у Цин Яня стало беспокойно.

События, связанные с Шэнь Вэнем и судьбой тети Ли, заставили Цин Яня глубоко задуматься. Он ощущал конфликт между современным мировоззрением и устаревшими, закостенелыми нормами общества этого времени. Этот конфликт напоминал два шестеренчатых механизма, вращающихся в противоположных направлениях: пока они остаются на расстоянии, все работает гладко, но как только соприкасаются, силы противодействия застревают, создавая скрежет, искры и разрушение.

Если бы решение зависело только от Цин Яня, он, возможно, предпочел бы навсегда скрыть правду от тети Ли, сделав вид, будто Цинь Лянчуань действительно погиб в тот злополучный день. Но, с другой стороны, лишить тетю Ли права знать истину и сделать выбор самой было бы несправедливо.

Цинь Лань же твердо решила восстановить связь с родным отцом, но никак не могла придумать, как начать этот разговор с матерью.

В растерянности Цин Янь так и не смог дать ей совета, а Цю Хэнянь и вовсе промолчал. В итоге Цинь Лань решила пока ничего не говорить. До возвращения каравана оставалось больше месяца, и она боялась, что ранний разговор лишь лишит ее мать покоя на все это время.

После ухода Цинь Лань в комнате установилась тишина. Цю Хэнянь, который обычно держался уверенно, неожиданно погрузился в свои мысли. Когда Цин Янь опомнился, он заметил, что тот все еще сидит за столом, не шевелясь, с сосредоточенным взглядом и напряженно нахмуренными бровями.

Цин Янь решил не мешать ему. Он поднялся, подбросил дров в печь, вымыл руки и приступил к приготовлению ужина. Стояла жара, и он задумал приготовить холодную лапшу. Недавно он купил гречневую лапшу в местной лавке. План был прост: сварить ее в холодной воде, затем обдать колодезной ледяной водой, добавить острую пасту, приготовленную тетей Ли, нарезанные огурцы, кинзу, немного соли, уксуса и щепотку сахара для яркости вкуса. Кислое, сладкое, соленое и острое сочетались в этом блюде, делая его простым, освежающим и аппетитным.

Как только Цин Янь налил воду в горшок, Цю Хэнянь очнулся от своих мыслей. Он взял низкую табуретку, сел возле плиты и начал работать мехами, помогая раздуть огонь.

Цин Янь мельком взглянул на него, а Цю Хэнянь, заметив на его волосах сухую травинку, снял ее и естественным движением спрятал себе за пояс.

Глаза Цин Яня чуть расширились от удивления. Цю Хэнянь мгновенно осознал, что сделал, и поспешно вытащил травинку, бросив ее в огонь. С усмешкой он сказал:

— Замечтался.

Ночью, когда Цин Янь спал глубоким сном, он вдруг неожиданно проснулся. В полусонном состоянии он увидел, что рядом с ним сидит высокий темный силуэт. Это был Цю Хэнянь.

Цин Янь сел и спросил:

— Что случилось? Не можешь уснуть?

Протянув руку и дотронувшись до щеки Цю Хэняня, его пальцы ощутили ледяной пот на коже. Сердце Цин Яня замерло. Он поспешно спустился с кровати, зажег лампу и откинул половину полога, чтобы лучше видеть.

Когда он вернулся к постели, то увидел Цю Хэняня, сидящего с бледным, словно никогда не виданным ранее, лицом. На его фоне шрамы выглядели еще более темными и зловещими. Лицо и шея Цю Хэняня были покрыты холодным потом, дыхание сбивчивое, а в глазах застыло выражение невыразимой боли и отчаяния.

Цин Янь не раздумывая снова спустился с кровати, принес чистую тряпочку и сел рядом с ним, чтобы осторожно вытереть пот с лица и шеи. Затем он достал чистую нижнюю одежду и тихо сказал:

— Давай, я помогу тебе переодеться.

Но Цю Хэнянь не двинулся с места. Когда Цин Янь попытался развязать тесемки его одежды, тот неожиданно схватил его за руку и притянул к себе в объятия, сжимая так сильно, что Цин Яню стало больно. Тем не менее, он постарался обнять Цю Хэняня в ответ, мягко прильнув к

его груди, проявляя покорность и поддержку.

Цю Хэнянь быстро понял, что сжал его слишком крепко, и ослабил хватку. Он взял Цин Яня за талию, усадил его к себе на колени и начал слегка покачивать, словно успокаивая ребенка.

— Прости, — прошептал Цю Хэнянь ему на ухо. Он, казалось, находил утешение в этой позе и движениях, будто они не только успокаивали Цин Яня, но и помогали ему самому прийти в себя.

— Все хорошо, — тихо ответил Цин Янь и с осторожностью спросил: — Что случилось?

Губы Цю Хэняня сжались в тонкую линию. Только спустя некоторое время он, наконец, произнес:

— Мне приснился кошмар. В нем... везде была кровь.

Цин Янь поднял голову и посмотрел на него:

— Чья кровь? Звериная или человеческая?

Цю Хэнянь покачал головой:

— Не знаю. Но эта кровь причиняла мне такую боль, что я едва мог дышать. Она была невыносимой, и только тогда, когда боль достигла предела, я проснулся.

Теперь уже Цин Янь крепко обнял его. Его тонкие белоснежные пальцы нежно поглаживали затылок и уши Цю Хэняня, касаясь мягко и успокаивающе. Теплые подушечки пальцев и ладони приносили удивительное спокойствие, словно прогоняя тени от виденного кошмара.

Цин Янь, склонив голову, устроился в изгибе шеи Цю Хэняня и тихо запел, мягким голосом произнося строки:

— Хулу-хулу*, бояться не будем,

Хулу-хулу, ухо прижмем,

Пусть страх нас обойдет...

(ПП: звукоподражание, дыхание с присвистом; мурчание)

Он повторял это снова и снова, медленно и с нежностью в голосе. Свет масляной лампы, стоящей на круглом столике, бросал слабое золотистое сияние на полог кровати, а их тени, сливающиеся в единое целое, отражались на деревянной стене.

Через некоторое время рука Цю Хэняня, лежащая на талии Цин Яня, переместилась к его спине. Согнув колени, он немного приподнял сидящего у него на коленях гера. Тот оперся руками на его плечи и, склонив голову, посмотрел на него своими выразительными глазами, полными глубокой привязанности.

Цю Хэнянь сглотнул, его голос прозвучал хрипло:

— Цин Янь, поцелуй меня.

Ресницы Цин Яня дрогнули, но он послушно наклонился, мягкие, теплые губы коснулись губ Цю Хэняня.

Цю Хэнянь приоткрыл рот, его сильная рука обхватила тонкую шею Цин Яня, и он сам взял инициативу в свои руки. Рука, скользнувшая под ткань его нижней одежды, была теплой и уверенной.

Цин Янь, словно затопленный волной эмоций, ощущал, как его тело реагирует: мышцы ног напряглись, пальцы ног непроизвольно сжались. Однако спустя мгновение эта рука сдержанно покинула свое место.

— Мм... — недовольно пробормотал Цин Янь, но Цю Хэнянь, мягко поглаживая его по спине, прошептал на ухо:

— Тише... это может закончиться беременностью.

Цин Янь с покрасневшим лицом упрямо поднялся с его коленей и достал из дальнего угла кровати черный наручный браслет. Надев его на руку Цю Хэняня, он прикусил губу и сказал:

— Только один раз... Вряд ли случится такое совпадение.

И этого хватило, чтобы разрушить последние преграды воли Цю Хэняня. Он схватил лицо Цин Яня за подбородок и вновь жадно припал к его губам.

Сколько времени прошло с тех пор, как они позволили себе подобное, они уже не помнили. Цин Янь мечтал об этом, но всегда боялся. Он чувствовал себя, словно трава за забором, иссушенная палящим солнцем, почти погибшая. Но теперь, обретя долгожданное утешение, он словно ожил.

Процесс был наполнен эмоциями и, кажется, Цин Янь то и дело крепко сжимал браслет, ощущая его в своей ладони. Но когда все закончилось, он, закрыв глаза, пытался восстановить дыхание, и вдруг осознал, что произошло в самый важный момент.

Стараясь успокоить дрожь в теле, он дотронулся до своей спины, и его рука обнаружила липкую, влажную субстанцию.

Цин Янь резко сел, его глаза широко распахнулись от недоверия, он смотрел на Цю Хэняня. Однако в глубине души он понимал: в этот самый миг, поскольку он так боялся забеременеть, Цю Хэнянь сумел взять себя в руки и удержаться.

<http://bllate.org/book/13590/1205208>